

НОВГОРОД И СКАНДИНАВИЯ*

Получив приглашение сделать доклад о Новгороде и Скандинавии в X—XI вв., я понял, что здесь возможны разные аспекты, которые все представляются одинаково интересными.

Первая возможность: посмотреть на Новгород и Скандинавию исходя из идеи, что обе эти географические территории — Скандинавия и Северная Россия — были расположены на культурной периферии того времени. Обе территории имели разные центры, на которые было обращено их внимание: Русь считала центром мира Константинополь, поэтому оттуда она приняла христианство и стала православной. Взоры Скандинавии были обращены не на юго-восток, а на юго-запад — к Германии и далее к Риму, и потому она стала католической. Легко можно привести ряд интересных соображений о сходствах и различиях в развитии двух областей, если исходить из идеи об их периферийном положении по отношению к культурным центрам.

Второй возможностью было вывести на свет старую добрую «хорошо объезженную лошадку» — то, что среди ученых принято называть «проблемой Руси». ¹ Под «проблемой Руси» понимают обычно вопрос степени участия скандинавских викингов в формировании первого русского государства. Тогда я смог бы поиграть на национальных (или, может быть, националистических) чувствах моих шведских слушателей.

Но я выбрал третью возможность, а именно вопрос о том, что произошло между Скандинавией и Северной Русью после образования первого русского государства, то есть примерно на рубеже X—XI вв. Для этого времени мы можем не только с полным правом говорить о русском государстве, но мы видим также, что все три скандинавские страны представляют собой единые, самостоятельные государства.

Нет необходимости углубляться в то, что мы понимаем под «скандинавскими странами», ² но вот поместить Новгород на карту мира будет, вероятно, немаловажно. Новгород (или как он обычно именовался в средневековье — Великий Новгород) находится на реке Волхов в северо-западной части России, примерно в двухстах километрах к югу от современного Ленинграда. Река Волхов соединяет Ильменское озеро с Ладожским и, как и все реки этого региона, течет на север.

Город Новгород расположен по обеим сторонам реки — кремль к западу от Волхова, и торговая сторона — к востоку. Но Новгород в то же время был больше, чем просто город. Во времена своего расцвета, в XIII и XIV вв., Новгород был княжеством, чье влияние

* Перевод Н. Охотиной-Линд.

¹ Термин, принятый среди скандинавских исследователей. В России это называют «варяжской проблемой» (примечание переводчика).

² Имеются в виду Дания, Норвегия и Швеция (примечание переводчика).

простиралось до Белого моря на севере, в глубь Финляндии и вплоть до Уральской гряды — территория по величине почти как вся Западная Европа, вместе взятая. Но эта территория была покрыта густыми лесами, т. е. огромная по площади область насчитывала немного жителей. Охотясь за пушными зверьями, воском, медом и другими лесными продуктами, новгородские охотники продвигались все далее в глубь лесов. Несомненно, там они наталкивались на кочевые финские племена, жившие в тех краях, но финны, как правило, подчинялись администрации Новгорода и платили налоги.

В том, как возник Новгород, среди ученых нет согласия. Первая проблема возникает с названием города. Новгород означен «новый город», и если этот город «новый», то где тогда тот «старый», по отношению к которому он «новый». И до сих пор невозможно однозначно определить, где располагался предшественник Новгорода.

Некоторые исследователи считают, что существенную роль в образовании города сыграли викинги, но другие указывают на Киев как на инициатора основания Новгорода. В последние годы всеобщее внимание привлекла теория, выдвинутая советским археологом В. Л. Яниным, что речь должна идти о федерации трех племен. На восточном берегу у Волхова располагался центр племени, называвшегося «словене», а на западном берегу жили два племени — одно славянское и одно финно-угорское. Идея Янина состоит в том, что эти три племени заключили коалицию, в результате которой и возник Новгород.

Если не совсем ясно, каким образом город был основан, то столь же мало определенности и в вопросе, *когда* он возник? С 1930-х годов советские археологи вели систематические раскопки в Новгороде. Наиболее знамениты раскопки 1951—1962 гг., когда среди прочих находок было найдено несколько сотен берестяных грамот. Эти колоссальные по объему археологические работы (на площади более 10 000 кв. м) не дали тем не менее культурного слоя старше середины X в. Если исходить только из археологических материалов, то мы имеем дело с относительно молодым городом — во всяком случае если сравнить со сведениями древнерусских летописей.

Сыграли ли викинги действительно роль в основании города или нет — это до сих пор вопрос открытый, но сегодня никто не может сомневаться в том, что севернорусский регион был очень этнически пестрым. Мы встречаем здесь финно-угорские, славянские и скандинавские племена. Скорее всего, финно-угры первыми поселились в этом регионе, а за ними пришли викинги, а потом и славянские племена.

Невозможно не согласиться (что признают даже советские исследователи), что в IX и X вв. скандинавские викинги расселялись вдоль по речным путям. Также нет сомнений в том, что разбросанность викингских поселений и вообще само по себе их присутствие имеет теснейшую связь с международной торговлей, происходившей на русских реках. Особенно большой оживленности, как кажется, достигла торговля в первой половине X в., но к концу столетия наступил спад. Последнее наблюдение относится в первую очередь к торговым путям вдоль Волги, связывавшим Северную Европу с Востоком, Багдадским халифатом и еще более удаленными землями.

Но помимо важной роли, сыгранной викингами на волжском пути, они еще в X в. пробирались на юг по речной системе, оканчивающейся у Черного моря — в первую очередь вдоль Днепра. Скандинавский элемент был важным фактором в формировании центра власти в Киеве, развившегося впоследствии в столицу государства, называемого обычно Киевской Русью. Это государство простиралось вдоль Днепра на север и на юг, с Киевом на юге и Новгородом на севере. Нет никаких сомнений в том, что столицей был Киев — именно там сидел великий князь; и очень быстро вошло в практику, что один из его сыновей отправлялся в качестве подчиненного ему князя в Новгород.

Киевская Русь была в большой степени ориентирована на юг, на Византию. Как уже говорилось, именно оттуда было принято христианство, и культурные связи получали мощную подпитку от оживленной торговли, предметом которой были в основном меха, другие продукты леса и рабы.

Итак, мы получаем картину с тремя скандинавскими странами, с одной стороны, которые к концу X столетия наконец сформировались как единые государства, и, с другой стороны, — с Новгородом как частью Киевского государства, в котором к концу X в. славяне были доминирующим элементом.

Каковы же были связи между этими двумя большими регионами на рубеже тысячелетий?

Сначала я постараюсь выделить отношения, имеющие политическую окраску, а затем прокомментирую торгово-экономические отношения.

Политические связи можно разделить на три тесно зависящие друг от друга формы:

1) проблема беженцев и предоставления политического убежища;

2) наемные войска;

3) браки.

Хотя я только что утверждал, что можно с полным основанием говорить об образовании государств и в Скандинавии, и в России, но необходимо все же признать, что политические отношения в обоих местах еще приближались к хаосу, особенно при передаче власти от одного князя к другому. Снова и снова видим мы сыновей, ссорящихся и борющихся за власть после смерти отца, уже не говоря о проблемах, возникавших, когда в борьбу вмешивался кто-то со стороны. Одним решением проблемы было — бороться, другим — бежать, и я сейчас хотел бы привести примеры второго способа.

В 972 г. умер великий князь киевский, и вскоре вслед за этим разгорелась жестокая борьба между его наследниками. Один из них, Владимир, почувствовал в 977 г., что ему угрожает серьезная опасность, и бежал за море в Скандинавию. Мы не знаем ничего о том, какова была его цель в Скандинавии или чем он там занимался, но древнерусские летописи сообщают, что в 980 г., через три года, он вернулся на Русь с викингским войском. Летописи, к сожалению, умалчивают о размерах войска, но с помощью викингов Владимиру удалось овладеть властью во всем Киевском государстве. Некоторые викинги остались после этого при нем, других он отпустил идти дальше в Византию, где они поступили на службу в личную гвардию

к византийскому императору. Кстати, это был тот самый Владимир, который в 988 г. официально принял христианство в его византийской форме.

Но побеги совершались и в обратном направлении, что особенно часто происходило среди претендентов на норвежский престол. Первым в этом ряду следует назвать Олафа Трюгвассона. Его отец — норвежский король — был убит родственниками, и мать Олафа через Швецию пыталась пробраться в направлении Руси. Но на пути они были захвачены морскими пиратами, как о том повествует исландская сага, и обращены в рабство, но около 985 г. Олафу все же удалось добраться до владимирова двора — того самого Владимира, который за несколько лет до этого получил убежище в Скандинавии. Вырос ли Олаф в Киеве или в Новгороде, мы точно не знаем. Когда ему исполнилось 20 лет, он вернулся в Норвегию и принимал участие в датско-норвежском нападении на Англию. Он погиб позже в борьбе с датским королем Свеном Вилобородым.

Примерно через 40 лет бежал из Норвегии другой Олаф, который позже получил наименование Святого. Олафу удалось стать норвежским королем, но после того, как датский король Кнуд Великий завоевал в 1016 г. Англию, он решил осуществить свою мечту о едином Севере. и в 1028 г. завоевал также и Норвегию. Олаф вместе с сыном Магнусом и братом Харальдом бежал в Новгород к князю Ярославу. Пару лет он провел в Новгороде и в 1030 г. вернулся на родину с небольшим войском — слишком небольшим, чтобы противостоять Кнуду Великому. Олаф погиб, а его брат опять бежал в Новгород.

Картина тесных связей между русским и норвежским царствующими домами делается еще более яркой, если учесть все сохранившиеся сведения об оказании друг другу военной помощи — в первую очередь речь идет о военной поддержке Скандинавией России.

Как уже говорилось, в 980 г. Владимир вернулся из Скандинавии с войском, обеспечившим ему победу над братьями.

Практически такая же ситуация возникла в конце правления Владимира и после его смерти. Владимир был великим князем, резиденция которого находилась в Киеве, а одного из своих сыновей, Ярослава, он послал княжить в Новгороде. Древнерусская летопись лаконично сообщает под 1014 г., что Ярослав отказался платить дань, которую Новгород обязан был посылать великому князю в Киев. Отец разгневался и собирался послать войско на Новгород; а потому Ярослав послал за море за викингами, поскольку «он боялся своего отца». Владимир умер, не успев наказать сына, но вместо этого между наследниками возникла распря, и Ярославу в 1022 г. опять пришлось посылать за море за варягами. И после этого Ярослав также приглашал викингов участвовать в походах.

Как третий пункт мы можем назвать браки, заключавшиеся между членами скандинавских и русских княжеских семей.

Самый известный из всех браков был заключен между новгородским князем Ярославом (о котором мы только что говорили) и шведской принцессой Ингегерд в 1019 г. Брак состоялся непосредственно сразу после обращения Ярослава за помощью к викингам из-за моря, и должен рассматриваться как «надстройка» на тех контактах, которые у него уже были со Швецией. Но особенный интерес вызы-

вает эта женитьба тем, что — согласно исландским сагам — со шведской стороны было поставлено условие, что Ингегерд должна получить свою собственную область в Приладожье у Финского залива, получившей впоследствии наименование Ингерманландии.

25 лет спустя мы видим новый брак, на этот раз между норвежским королем Харальдом Суровым Правителем и дочерью Ярослава и Ингегерд. Это произошло в 1043 г., когда Харальд еще укрывался в Новгороде.

В конце того же столетия мы встречаем еще пару примеров брачных связей.

Сведения о браках и наемных войсках мы получаем частично из исландских саг, а частично из древнерусской летописи, так называемой «Летописи Нестора». Эти источники не интересовались экономическими и торговыми связями двух регионов. Но мы знаем, что скандинавские купцы в Новгороде организовали в конце столетия гильдию Олафа при церкви св. Олафа, и нам также известно, что в Новгороде находилось место для торговли, называемое Готским двором. С другой стороны, есть сведения и о русских церквях на Готланде и множество известий о русских купцах на балтийских побережьях. Но это ничтожно мало. Экономика и торговля абсолютно не интересовали авторов тех письменных источников, которые сохранило нам время.

Итак, мы можем констатировать существование ряда разнообразных по характеру скандинавско-русских связей на грани тысячелетий. К этой картине принадлежат также и взаимоотношения Ярослава со своим отцом, о которых я уже говорил выше. То, что он в 1014 г. отказался платить дань, которую он как новгородский князь обязан был выплачивать, — это ясный признак стремления к суверенитету. Но это связано не столько с собственно Ярославом, который вскоре сам стал великим князем киевским, а с самим Новгородом, торговым городом.

В связи с этим встает вопрос: были ли описанные здесь события продолжением старой традиции тесного сотрудничества между скандинавскими викингами и скандинавскими странами, с одной стороны, и русской княжеской семьи, которая, судя по преданию, тоже была скандинавского происхождения, с другой стороны? Или же эти события являлись выражением уже совершенно новой ситуации?

И существовала ли вообще новая ситуация, если посмотреть на дело объективно?

Да, новая ситуация действительно существовала — это была новая экономическая и политическая ситуация в Северной Европе и вокруг Балтийского моря.

Я хотел бы сейчас объяснить политико-экономическую ситуацию, как она выглядела до конца X в. При этом я основываюсь на результатах, полученных шведским специалистом по экономической истории Стуре Болином на основе изучения находок монет во всем северно- и восточноевропейском регионе. По его наблюдениям, международная торговля с конца VIII в. и до конца X в. шла через Балтийское море и скандинавские торговые центры Хедебю и Бирка. Именно Балтийское море соединяло Восточную Европу, с одной стороны, и Восток — с другой стороны. Торговый путь шел так: по волжскому пути вниз к Каспийскому морю викинги экспортировали

две важных для Востока, для Багдадского халифата, группы товаров. Это были, во-первых, меха северноевропейских животных; во-вторых, рабы — в первую очередь из Северо-Восточной Руси. В обмен на экспортные товары викинги получали или восточные товары, или денежную оплату — арабскими куфическими монетами (назывались так по городу Куфа на Тигре). Эти товары и монеты привозились в Скандинавию, а оттуда часть товаров экспортировалась далее в Западную Европу. Монеты использовались как средство оплаты за товары, импортировавшиеся из Восточной Европы, или повторно экспортировавшиеся в Западную Европу, или на Восток (например, так называемые франкские мечи).

Эта международная торговля через Северную Европу схлынула несколько назад, насколько можно судить, около 970 г., или во всяком случае начала терять значение. Это означает, что исчезла та выдающаяся роль в мировой торговле, которую занимали Хедебю и Бирка. Значение этих городов резко упало, а Бирка вообще исчезла с географической карты, так что сейчас никто даже не может с определенностью сказать, в каком точно месте она находилась.³ Торговля между Западной Европой и Востоком нашла себе другие пути.

Новая система строилась на товарообмене между Северо-Западной Русью и Западной Европой. Те группы товаров, которые раньше шли вниз по Волге, в следующем столетии изменили свой курс и пошли на Запад. Очевидно, рабы уже утратили свое значение как предмет торговли, но спрос в Западной Европе на русские меха не ослабевал в течение многих столетий. Но там, где мы в торговле с Востоком наблюдаем поток товаров, идущих на восток, и поток монет, идущих на запад, картина меняется теперь полностью, так как в последующие столетия поток ценных металлов направлен с запада на восток, а поток товаров устремлен в обратном направлении. Такая торговля между Западной и Восточной Европой продолжалась по этой же самой схеме и с теми же товарами во всяком случае до конца XV в.

Эти преобразования в торговле передвинули экономический центр в Северной Европе к западу, и скандинавские страны стали в значительно большей степени ориентироваться на запад. Результатом такого поворота в сторону запада явилось зарождение датского владычества в регионе Северного моря, которое мы наблюдаем короткое время при Свене Вилобородом и Кнуде Великом. В правление Кнуда Великого мы видим создание единой северо-западной европейской державы, в которую входили Англия, Норвегия, Дания и часть Швеции.

Опираясь на знания о новой торговой системе, мы можем попытаться ответить на ряд вопросов.

Почему Дания не проявляла никакого заметного интереса к развитию Восточной Европы? Почему норвежские неудачливые претенденты на престол спасались бегством именно в Новгороде? Почему шведский король упорно посылал свою дочь на восток, и почему мы можем констатировать большой интерес русских к Скандинавии, и особый интерес новгородцев, надеявшихся на обретение независимости от Киева?

Мы видим, что на протяжении всего времени политика Дании была ориентирована на Запад. Датчане не поняли того, что хотя

роль Балтийского моря заметно уменьшилось, но торговля на нем совсем не лишилась своего значения. Прошло еще 100 лет, прежде чем датчане начали интересоваться ситуацией в России и на восточном побережье Балтики.

Маршрут побегов норвежцев совершенно точно соответствует изменениям ситуации в районе Северного моря. Изгнанные знатные викинги традиционно искали убежища в Англии, изредка в Швеции, но могущественное положение, которое датский король приобрел во всем этом регионе, вынуждало норвежских королей и наследников искать более надежного места для укрытия — и они выбирали Новгород.

Представляется, что в то же время шведы обладали значительно более трезвым взглядом на развитие ситуации. Потребовав в качестве свадебного подарка за Ингегерд Ладогу, они хорошо знали, что эта территория очень важна для торговли между Востоком и Западом и сохранит свое значение и в дальнейшем. Нам неизвестно, каким образом Ингегерд управляла этой территорией, но представляется, что после ее смерти она опять отошла под общее управление новгородского князя. В последующие столетия Швеция неоднократно пыталась при помощи военной силы закрепиться на землях вокруг восточной части Финского залива. Естественно, что главной целью этих попыток было управление русским экспортом в Западную Европу. Эта борьба по-настоящему закончилась только во время Северной войны начала XVIII столетия, когда русские провозгласили свое господство на этих землях, основав там новую столицу — Петербург.

Но изменение торговой ситуации отразилось в первую очередь на самом Новгороде. Новгород не лежал на Великом волжском пути между Востоком и Западом, но он был форпостом Южной Руси на дальнем севере, и в то же время он был пунктом менее значимого торгового пути по Днепру. Но новая ситуация превратила Северо-Западную Русь в конечный (или начальный) пункт для экспорта русских лесных товаров в Западную Европу. И Новгород был естественной столицей этой территории, а не только форпостом Руси. Новгород не нуждался больше в своей принадлежности к Киевской Руси, потому Ярослав и отказался платить дань киевскому великому князю в 1014 г. Напротив, у Новгорода была потребность участвовать в международной системе, которая могла гарантировать его торговлю с Западом. Поэтому Ярослав и женился на дочери шведского короля, установив тесные связи с теми кругами в Швеции, которые хотели содействовать его цели.

Иными словами, Новгород, выходя из одной международной системы, искал контактов для сложения новой системы. Новгород вышел из международной системы, которая простиралась вдоль Днепра на юг, через степи и населявших ее кочевников, к Византии — это была система, где центром мира была столица византийского императора. Но экономическая жизнь Новгорода обрела новый центр, лежащий в Западной Европе. Где же находилась та система, в которую собирался включиться Новгород? Убежище для норвежских беженцев и военная поддержка шведов были только намеками на ту новую международную систему, которой Новгород мог заинтересоваться. После смерти Кнуда Великого созданная им северная

морская держава развалилась, и последующие два столетия скандинавские страны играли второстепенные роли в Европе. Система так и не сложилась и не дала никакого результата. Скандинавские страны продолжали свою традиционную ориентировку на западные культурные и идеологические центры, а Новгород в результате так и остался со своим центром и своей системой в России.

Мир начал разделяться на Восток и Запад.